

Альманах «Амур» читаю с удовольствием. Жаль, что в мои студенческие годы не было такого издания. Сколько талантливых людей раскрыл альманах, какие понимающие, добрые рецензии-послесловия пишет редакция к произведениям своих авторов! Отдельное спасибо за литературное краеведение, особенно за «Шпильки».

Вообще-то я принёс в редакцию пьесу-сказку «Давайте встретимся на крыше». Мой товарищ в шутку заявил, что ничего подобного в Благовещенске со времён бульварного романа «Амурские волки» и фельетонов Фёдора Чудакова никто не писал. В театре сказку не ставят, боясь, что кто-то узнает в вымышленных героях современные прототипы. Понял, что формат пьесы, к сожалению, не для альманаха. Напечатаете лет через сто – буду очень рад, подожду (а пока желающие могут найти её в Интернете по адресу: <http://www.proza.ru/avtor/agerasimov>).

Творческих удач редакции альманаха!

Рассказы

ТАЙНЫ ФРАНЦУЗСКОГО ПОЦЕЛУЯ

Кто бы мог подумать: Владимир Куприенко стал толстым!

Когда сидит – кладёт руки поверх выступающего живота. Так делают чревоугодные священники, обращаясь к Богу, и беременные женщины, слушающие ладонями ещё не родившееся дитя.

Возможно, положив руки на живот, он сочиняет свой новый рассказ или размышляет, где срубить бабки для очередной книжки. Чужая душа – потёмки. Разве туда заглянешь?

Он сам называет себя графоманом. Это когда выпивает сто пятьдесят в компании друзей-однокашников. Больше не пьёт, здоровье надо беречь. А сердце иногда из ушей готово выпрыгнуть, так сильно стучит.

Он писатель. Член Союза писателей. Единственный в Благовещенске, кто каждый год издаёт по книжке собственной прозы. А ещё издаёт за год десяток иллюстрированных *заказух*. Это такие большеформатные книжищи-альбомы. Каждая открывается цветным портретом самодовольного заказчика из новых русских, портретом очередного губернатора или другого, озабоченного нуждами народа, чиновника. Потом идут исторические вехи, трудовые успехи, много фотографий, а в конце – длинный список спонсоров книги, обязательно с портретами меценатов. И это ещё не всё, на самую закуску – фото тех, кто книгу готовил. Все довольны. Красиво и солидно.

А в книгах прозы Вова старается быть предельно искренним. Как только может. Есть хорошие рассказы. Есть надуманные, но затейливые. Сегодня Владимир Алексеевич Куприенко – фактически признанный классик современной амурской литературы. Воспринимать прозу Куприенко мне и легко – уж очень давно знаю автора, и трудно – по той же причине.

Да что я – всё Вова да Владимир? Он же – Купер! Старый Купер. «Купер» – это от сокращения фамилии,

так мы зовём его давно. Никакой, на самом деле, не старый. А лет двадцать назад вдруг им стал. Сам себя назвал. Звонит по телефону: это я, Вова, старый Купер.

Раньше Купер был худой, как Кошей Бессмертный в молодые годы. На худом лице носил огромные очки с толстыми стёклами в девять минусовых диоптрий. Стучал на барабане в студенческом ансамбле, любил слушать виниловую музыку и уже тогда сочинял маленькие рассказы, записывая их без помарок в двухкопеечные тетрадки в клеточку.

Как-то на студенческих каникулах он показал свои рассказы самому Валентину Распутину. С ним дружит живущая в Иркутске старшая сестра Купера. Советский классик с печальным лицом, похожим на печёное яблоко, взял двумя пальцами школьные тетрадки, полистал страницы, плотно заполненные ровным угловатым подчерком начинающего автора, вздохнул сочувственно:

– Что, тоже хочешь стать большим писателем?

Но Купер писать не перестал. Даже – наоборот.

Я всегда находился под обаянием Купера. И в институте, и позже, когда мы оба работали сначала в школах, потом в газетах. Не помню, что я тогда говорил Вове. Сам же Купер каждый раз рассказывал бесчисленные истории о себе, в которых, как я только недавно стал понимать, художественного вымысла было в десять раз больше, чем реальных событий. Слушать его, с открытым от удивления ртом, было интересно.

Купер, который весил сорок восемь килограммов, однажды защитил девушку в городском парке, раскидав пятерых или даже семерых распоясавшихся хулиганов. В руках у него была только книжка в твёрдом переплёте. Но он же знает приёмы! Одному корешком книги – по переносице! другому – по горлу! третьему... А остальные так убежали.

Я верил. Он же действительно знает приёмы, умеет драться, постоять за себя, вырос в хулиганской среде на далёком прииске, который открыл его отец – геолог. Правда в том, что Вова действительно вырос на прииске, а его отец был хорошим геологом, всю жизнь работал в

экспедициях и открыл огромное количество золотых россыпей на таёжных и горных ключах и речушках.

В пединституте мы учились на одном курсе исторического отделения истфила. Вместе ходили в группу французского языка. В этом волшебном языке Мирей Матье, Джо Дассена, отца и сына Дюма мы оба были – ни в зуб ногой. Хотя все преподаватели отмечали мой почти парижский прононс. А Купер до нашего педа успел поучиться в Иркутском инязе на французском отделении, где на практике познал все тайны настоящего французского поцелуя. На мои настоятельные просьбы рассказать, что это за тайны, он загадочно и снисходительно улыбался. Много позже, в одной из очередных книжек, я прочитал рассказ о его любви к прекрасной француженке во времена иркутской юности. Но интимных подробностей там не было.

На лекциях я рисовал шаржи и писал смешные стишки. Они передавались от стола к столу, и то там, то сям в аудитории кто-то хихикал или, с трудом сдерживаясь, громко всхрюкивал. Преподаватели недоуменно смотрели поверх очков: что может быть смешного в сококалетней или столетней европейской войне или (страшно подумать!) в истории КПСС?

Потом Вова любил говорить:

– Я почему в институте плохо учился? Потому что Шура меня смешил.

Со студенчества Шурой меня зовут друзья.

Написать затейливую эпиграмму, даже шуточное эпическое полотно в стихах или в прозе, где героями являются окружавшие меня сокурсники и преподаватели, – это для меня было просто. Но Вова писал заметки и зарисовки в газеты. Не только в институтскую многотиражку «За падкадры!», но и в саму «Амурскую правду». Я ему завидовал. Писать по-газетному я не умел. Там свой язык: серьёзный, озабоченный, слова такие, какими я в жизни не разговаривал.

– Хочешь, Шура, вместе напишем очерк про Людмилу Петровну? – однажды предложил мой товарищ.

Про Людмилу Петровну Малыхину, читающую нам Новую историю? Любимый преподаватель, стоя за тумбочкой-кафедрой, она рассказывала нам про Робеспьера – по-театральному пафосно, с яркими диалогами исторических персонажей, с дрожащими паузами и внезапными эмоциями, способными заморозить, вогнать в транс, а кого-то даже заставить заплакать... Как можно написать о Людмиле Петровне? Малыхина на переменах курит «Беломор». Курит на нашей дореволюционной железной лестничной площадке у красного пожарного ящика с песком. Курит, изящно отставляя длинные пальцы с несмятой папиросой. А вокруг стайкой толпятся студенты: кто послушать Людмилу Петровну, кто чтобы понравиться. Я почему и курить начал, чтобы рядом с ней можно было постоять.

После лекции, когда я жался в стороне, мой смелый однокурсник подходит к Малыхиной, о чём-то говорит и, довольнo улыбаясь, машет мне:

– Сегодня вечером. У неё дома будем пить чай.

Ну, как тут не поверить, что Вова Куприенко может всё? Даже Малыхина не устояла перед его натиском и обаянием.

Мы пили чай у Людмилы Петровны из хороших старых кружек. Осторожно ели ложечками варенье из маленьких стеклянных розеток. Она рассказывала интересно, мы записывали в тетрадки. Что-то спрашивали, причём и смелый Вова, и я сильно заикались.

Два дня я ждал, когда Вова позовёт меня писать очерк. На третий спросил.

– А я уже написал и в газету отнёс.

– А я?

– А ты покупай в пятницу «Амурскую правду» и читай наш очерк.

– А причём тут я? Я не писал!

– Мы же вместе ходили к Людмиле Петровне.

В пятницу в главной газете Амурской области вышел очерк. Триста строк, на второй полосе. Внизу, в самом углу, моё имя стояло над Вовиным, по алфавиту.

Так я впервые увидел свою фамилию в газете. И стал писать сам. Хотя сейчас сомневаюсь в правильности профессионального выбора.

Бродячий дух, доставшийся в наследство от отца-геолога, в середине 80-х занёс Купера на стройку века. Журналиста и писателя Куприенко манили возможности познать человеческие характеры и заработать неплохие деньги. Якутский Чульман, многотиражка «Мосты магистралей». Был зачислен монтажником в бригаду строителей. Должность газетчика-подснежника. Получай зарплату, сиди дома и пиши о трудовых подвигах. А Купер, желая всё узнать и побольше заработать, встал за ствол пескоструйки. В лютые морозы и дурящую жару обстреливал песком из грохочущей сумасшедшей пушки ржавые мостовые пролёты. Потом переезд в Тынду, развал Советского Союза. Трудовые накопления растаяли, романтика – тоже. Я придумал другу должность тындинского собкора областного телевидения, которым тогда руководил. Хотя Вова по-прежнему убеждённо заявлял о прелестях амурского севера, по его глазам я догадывался, что таёжная романтика хороша для отпускников, любителей экстрима, но не для повседневной жизни.

А здесь губернатору Полеванову срочно потребовался пресс-секретарь. Прежнего, талантливого журналиста (моя рекомендация), после месяца работы в должности, пакостливые чиновники обл администрации напoили на работе и подставили. Полеванов психанул, пригласил меня к себе:

– Александр Владимирович, забирайте этого туда, откуда взяли. Закрываю вас в своём кабинете, у меня сейчас встреча. Подготовьте список претендентов на конкурсной основе, вернись – обсудим.

Аккуратно разливав лист, я в столбиках написал: ФИО претендентов, профессиональные качества, слабые стороны, особые условия.

Список был из семи человек. Все – хорошие журналисты. Не без слабостей. Особые условия при трудоустройстве были только для одного кандидата – квартира в Благовещенске. Этим соискателем, ещё не ведая о своей будущей судьбе, был Купер.

Я знал, что и как писать в характеристиках для бывшего главного геолога Магаданской и Амурской областей Полеванова. Про Купера, как бы между прочим, написал, что родился на прииске, отец – геолог.

Полеванов долго вертел листок в руках, недовольно сопел.

— И что, этот ваш Куприенко, из всех — самый лучший?

— Вам судить. Но, объективно, да. И нужна квартира.

— Умный вы человек, Александр Владимирович, — льстит губернатор, — что, и недостатков у этого Куприенко нет?

— Там всё написано. Подробно. Например, когда волнуется, то немного заикается.

— Опять предложите какого-нибудь пьяницу, — ехидничает Полеванов, — вы же люди свободной профессии.

— А кто не пьёт, Владимир Павлович?

С Полевановым, до его назначения губернатором, я не раз выпивал.

Вновь сопение, переворачивает листок, что-то хочет рассмотреть на его обратной чистой стороне. Быстрые оценивающие взгляды в мою сторону.

— Ладно, звоните этому... Вашему лучшему другу.

— А квартира?

— Не сразу. Пусть покажет себя.

Ещё бы сын геолога Куприенко не показал себя доктору геологических наук Полеванову!

Губернатору Купер понравился. Сразу.

Скоро и в свой адрес Вова сам не раз услышит ехидное: «Вы же люди свободной профессии». Это случилось на брифингах для прессы с последующим фуршетом или застольем. Демократично выпив с журналистской братией, губернатор поднимался из-за стола, потечески осаживая гостей сидеть: «Ну, я три рюмочки и всё. Вы — люди свободной профессии, продолжайте». А сам шёл продолжать со своим первым замом Володей Дьяченко — поднимать неподъёмную экономику, решать неразрешимые задачи, тащить внезапно свалившийся на плечи тяжкий груз проблем позабытой Богом и московскими властями Амурской области. О стремительной карьере Полеванова и других персонажах амурского политического бомонда, если это интересно читателям, я ещё как-нибудь расскажу.

Многие журналисты с ностальгией вспоминают Полеванова, считая, что тот умел ладить с прессой. Конечно, была в этом и заслуга его пресс-секретаря, мудрого Купера.

Как я сейчас догадываюсь: ни мой друг, ни Полеванов толком не знали, чем должен заниматься пресс-секретарь. Делать ежедневные длинные пресс-релизы и заявления от имени первого лица тогда было не модно. Утром Купер заносил шефу свежие газеты, которые тот быстро читал, и они пили кофе в «секретной» комнате отдыха, находившейся позади губернаторского стола. А на многочисленных встречах с народом пресс-секретарь, заикаясь, предоставлял слово губернатору, потом сидел на стуле по его правую руку и замороженно смотрел в зал. Эмоциональный Полеванов, хотя и был многословен, всегда выступал по существу объявленных тем. Время от времени он поглядывал на своего молчаливого спутника. Даже казалось, что это от его имени он делает громкие заявления.

Все замужние женщины не любят друзей своих мужей. Даже ревнуют к ним. Свой-то, хоть и гад, но мог

бы быть лучше. Если бы не дружки, которые спаивают его, и вообще. Что такое женское «вообще», нам, мужчинам, никогда не понять.

Купера жёны любят. И уже друзья начинают ревновать его к своим половинкам. В том смысле, что Вова, конечно, хороший и душечка, а — я? Купер — человек бесконфликтный, умеет, сочувственно кивая головой, слушать не только друзей и приятелей, но и их жён. Умеет успокоить, а это — редкое качество.

По поводу его умения успокоить в непростых экстремальных ситуациях мне вспоминается 1987 год. В поисках адреналина сплаваемся с Вовой по якутской реке Тимптон. Вдвоём в резиновой лодке. Я — новичок, Купер — бывалый парень, «сплавной».

Вова на корме табанит веслом, я — на носу. Моя задача, кидая веслом то вправо, то влево, выбирать маршрут. Главное — держать нос на волну, чтобы не опрокинуло.

Тимптон — река тяжёлая, четвёртая категория сложности. Возможность безвременно, безвинно и бессчётное число раз. Выбор большой: или накроет — раздавит хлипкую лодку многотонной волной, или разорвёт в крутом скальном прижиме, или перевернёт, ударив в каменную глыбу порога и выбросив головой в торчащий валун, или... Вот навстречу, вздымаясь и рушась, несётся очередной грохочущий ад кипящей воды и страшных камней. Кричу:

— Куда, Купер?

Имею в виду, мол, Володя, нам вправо, в стремнинный обход, или влево, где потише, или прямо, где ни зги не видно?

Купер спокойно орёт в ответ:

— Шура, прямо! Держись по центру!

Это успокаивает на полминуты. И вновь стресс. Пятнадцатиметровой высоты грохочущая стена вздыбленной воды. Из резиновой лодки она кажется ещё ужаснее и выше.

Ору изо всех сил, чтобы услышал:

— Купер! Куда?!

— Шура! По центру!

Уф, проскочили...

Через неделю нашего маршрута, у костра вечером спрашиваю: «Почему ты всегда предлагаешь держаться центра, ведь иногда можно и стороной пройти опасный участок?» Вова закуривает и невозмутимо выдаёт: «Ты меня спрашиваешь куда? А почём я знаю? Я же в очках. Дальше десяти метров вообще ничего не вижу. Вот и кричу — держись центра».

Успокоил, друг... Хорошо, что живы остались.

Сам Купер всё-таки попал в переделку. Через два года после нашего совместного сплава, на том же Тимтоне, с собственной женой. В шквале горного порога их выбросило из лодки, потащило бешеным потоком по дну, через смертельную мясорубку камней. Казалось, уже не выбраться. Чудом спаслись оба. Обошлось даже без серьёзных травм. С тех пор день одиннадцатого июля, вот уже двадцать лет, Вова отмечает с женой как совместный день рождения.

После этого он ещё ходил на сплавы. И мы зовём его — «мудрый Купер»?

Сейчас он не сплавляется. Стал толстым. Кто бы мог подумать? Когда собираемся за столом у нашего общего друга полковника Володи Холкина, выпив свои сто пятьдесят, Купер кладёт руки поверх живота. Слушает наши нетрезвые бредни. А когда я что-то брякну впопад – хихикает, прикрывая ладонью рот. О чём-то думает. И тихо улыбается. Может, сочинил сюжет нового рассказа? Или придумал, где взять деньги на очередную книжку? Или вспомнил юную француженку, с которой чуть не уехал в Париж? Кто знает? Чужая душа – потёмки.

Январь 2010 г.